

P. Tom

Преобразование российской политической системы в международном контексте

*Те, кто стоят во главе государства,
не могут найти более легкого способа достигнуть
любви нации, кроме как честностью и бескорыстностью.*

Цицерон

Несмотря на то, что Россия является крупнейшей страной Европы, она все еще находится в стороне от процесса интеграции. Это отнюдь не лучшее положение для государства, которое традиционно считается великой державой. Одна из причин определенной изоляции — продолжающееся противостояние мировых центров власти. Это факт, который необходимо признать. Другая причина — несостоятельность и слабость российской государственности. Власть в Российской Федерации пока не способна осуществлять некоторые функции, присущие современному государству, и это снижает уровень как внутреннего, так и внешнего доверия к ней. Существует также и объективная причина неполного преобразования российской государственности: процесс европейской интеграции, имеющий неясные цели и перспективы развития.

Процесс расширения и интеграции Европейского Союза до сих пор в основном базируется на идее антиамериканизма. Европейские лидеры движимы идеей стать сильным политическим и экономическим конкурентом США. Однако это лишь иллюзия, сильно напоминающая известный призыв «догнать и перегнать». Збигнев Бжезинский отмечал, что американская политическая система базируется не только на внутренних институтах. «Американское превосходство, таким образом, создало новый мировой порядок, который не только копирует, но и институализирует за границей многие черты самой американской системы. Ее основными чертами являются:

Растислав Том,
профессор,
Трнавский университет
(Трнава, Словакия)

- системы коллективной безопасности, включающие объединенное командование и вооруженные силы (НАТО, Американско-японский договор о безопасности и т. д.);
- региональное экономическое сотрудничество (ОПЕК, НАФТА [Северо-Американское соглашение о свободной торговле]) и специализированные институты международного сотрудничества (Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд, ВТО [Всемирная Торговая Организация]);
- процедуры, которые делают особый акцент на согласованности в принятии решений, даже если на самом деле они диктуются со стороны США;
- предпочтение членству на демократических началах в рамках ключевых союзов;
- рудиментарная международная конституционная и судебная система (от Международного Суда до специального трибунала для рассмотрения боснийских военных преступлений)¹.

Все отмеченные выше организации повышают престиж США и их внутренних институтов. Ни Европа, ни Россия не имеют подобной сети в своем распоряжении, в силу чего невозможно говорить о конкурентоспособности. Европейские политики, по всей видимости, выбрали пошаговую стратегию: прежде всего — создание сильного государства, затем — проникновение в вышеуказанные институты; и, в конце концов, замена первоначального влияния США. Попытка возродить европейские колониальные империи бросила тень на их решения. Подобная ситуация дает России возможность утвердиться в качестве достойного партнера в Европе.

После идеологической трансформации (из коммунистической в либеральную) Россия создала базу, с которой она может обратиться к международным организациям. К тому же, после «холодной войны» существенно ослабел антагонизм по отношению к Соединенным Штатам. Таким образом, Россия является одной из немногих европейских стран, которые не должны быть затронуты волной антиамериканизма. Отношения между Россией и США должны соответствовать основным амбициям сверхдержав, и это обеспечивает возможности для их взаимного согласия в вопросах сотрудничества.

Антиамериканизм в России является пережитком «холодной войны», которая требовала непримиримой борьбы с противником. Если эта ситуация сохранится, то пострадают обе великие державы (становятся явными усилия Европейского Союза включиться в состав крупнейших мировых держав и продолжающийся рост Китая, экономика которого уже стала одним из определяющих факторов мирового развития, а рост населения — неизбежным процессом).

Брюссельские политики прилагают все усилия, чтобы создать новую сверхдержаву. Внутренние разногласия и негативный опыт ранних форм европейской интеграции большинства стран-членов Европейского Союза, — это только один из двух факторов, которые препятствуют реализации этих усилий. Второй фактор — отсутствие единого «источника силы» — центральной державы, которая была бы способна взять на себя полную ответственность за проведение и исход европейской интеграции.

В этой ситуации очень трудно определить, в каком направлении будет развиваться российская структура власти: в направлении «совместимости» с властными структурами США, или «неясного» Брюсселя? Возможная совместимость с немецкой, французской, британской моделью является взаимоисключающей (канцлерская, полупрезидентская или парламентско-премьерская модель). Действующая же в России модель более всего похожа на французскую, что не нравится правительствам других упомянутых стран. Перенос американской модели в Европу является очень сложным процессом, поскольку это предполагает иные выборы подсистем и снижение влияния политических партий в системе власти. Политические партии даже в России традиционно сильны, хотя после идеологической трансформации заметна определенная их неуверенность в своих возможностях; скорее, обнаруживается склонность к личностной модели. Без согласования со специалистами из США это невозможно (России нужен адвокат на любые преобразования), также как и в Европейском Союзе есть эксперты, которые рассматривают правящую партию как реликт. Кроме того, политические партии теперь не способны формулировать определенное видение развития своего общества или международного сообщества.

Отсутствие такого перспективного видения дает шанс всем амбициозным державам мира попытаться создать самим некую модель будущего. У бывшего Советского Союза было большое преимущество в том, что государство состояло из различных цивилизаций. Даже сегодня от прошлого фундамента осталось несколько фрагментов, но российские политики не способны их использовать. Более того, России нужна некоторая адаптация к новым странам, возникшим в результате распада Советского Союза, которые в основном остались одни (без союзников или друзей). Мы имеем в виду не «услужливость» конкретной политики, а систему, которая создает ощущение доверия. Европейский Союз не может адаптироваться к окружающим ее исламским странам.

Это требование поняли политические руководители в европейских странах бывшего советского блока, создав системы, совместимые с доминирующим понятием либеральной политической системы. Эти страны, однако, находятся исключительно в зоне либерализма, не реагируя на системы остального мира, поскольку совместимость облегчает общение с аналогичными системами, несовместимость же создает проблемы. Таким образом, системы в Европейском Союзе делают сложными позитивные отношения с другими странами, которые для них вряд ли заслуживают доверия. Например, отсутствует уважение к многообразию культур и цивилизаций, в том числе, религий. Кроме того, они лишь вербально основаны на собственной истории и религиозных традициях; по сути же, сильно секуляризировали не только системы власти, но и общественное мнение.

Политические партии в этих странах созданы как панданы западноевропейского оригинала. Таким образом, в то время как для собственного народа в этих странах не все до конца ясно, в Брюсселе уже все сделано. Этот центр не терпит различных партий или различных по-

литических риторик. В случае, если к власти приходят иные политические партии, они, как правило, оказываются в изоляции (такими стали правящие партии в Словакии, Австрии, Венгрии и Италии, это является проблемой и для России). Европейский Союз имеет достаточно средств для того, чтобы поддерживать существование непопулярных партий.

Речь идет о проявлении политического прагматизма. России не хватает такого прагматизма, попытки самостоятельного политического творчества осложняются международным положением и положением государствообразующей партии, и облегчают выживание маргинальных групп, которые подражают зарубежным образцам. В России образуются политические партии, у которых нет в либеральном мире ни панданов, ни друзей. Эти партии не имеют возможности объяснить свои программы и, следовательно, существует определенное их неприятие. Таким образом, эти партии не имеют партнеров даже в странах бывшего советского блока. Партнерство должно быть основано на сходных программах, следовании единой политике и, возможно, даже на общих культурных ценностях и моделях.

Поскольку население очень чувствительно к трансформации социальных структур и ее последствиям, оно быстро осваивается в совершенно новой социальной ситуации. Образовались новые социальные группы, и население разделилось не только по принадлежности ко времени возникновения этих групп, но и по размеру состояния, престижу социального слоя и влиянию на власть. В то же время, существенно уменьшилась ответственность государства за социальную ситуацию в стране. Народ в своем большинстве не принимает ту группу, которая «взлетела высоко». С другой стороны, значительная часть населения реально находятся ниже уровня бедности. Это также показывает, что уголовно-правовая ответственность физических лиц измеряется состоянием. Масштабные уклонения от уплаты налогов и «дикая приватизация» остаются в подавляющем большинстве без внимания власти. Понятно, что истинная демократия не может возникнуть в таких условиях.

Социальное расслоение характерно для всех либеральных систем, но социальные ножницы нигде так широко не раскрывались, как в бывшем советском блоке, и особенно в России. Такая ситуация неизбежно приводит к росту недоверия граждан к государству и политическим партиям, и с течением времени радикализирует сопротивление, что означает проявление не терроризма, а социально мотивированных протестов.

Новым фактором в социально-политических изменениях стал капитал. В начале XX в. в политические преобразования включились банки, после Второй мировой войны — сети супермаркетов. Таким образом, факторы, которым не придается должного значения, в отдельных странах определяют их развитие. Страны бывшего советского блока во многом зависят от этих новых явлений, Россия же — лишь до определенной степени, поскольку она имеет достаточно неиспользуемых ресурсов, но глобальных розничных сетей ей не избежать. Важно осознание того, что «в мире, где капитал не является резидентом, и финансовые потоки вовсе не под контролем национальных правительств, многие рычаги экономической

политики не работают»². Российские политики поняли это, когда крупный капитал показал, что может уйти туда, где для него созданы лучшие условия. В этой ситуации Россия теряет свой первоначальный капитал, и обогащение олигархов остановить невозможно.

В докладе Кеттеринг фонда, опубликованном в 1993 г. в США, представлены взгляды американцев на их собственную социальную систему и власть: «Американцы ... характеризуют текущую политическую систему как глухую и слепую к общественным интересам, система управляется профессиональным политическим классом и властью денег, а не голосами». Это общая угроза демократии и либерализму с точки зрения свободы граждан во всем мире. Многие политики приходят к мнению: невозможно что-либо сделать, политика должна быть адаптирована к экономическим корпорациям. Таким образом, государство постепенно изменяет свою сущность на субъект хозяйствования и теряет свою социальную функцию. По мнению некоторых авторов, социальное государство уже исчезает. Таким образом, государство отказалось от одной из наиболее важных функций, известной еще из идеи древних философов о том, что оно должно защищать низшие классы, богатые же могут справиться самостоятельно.

Трансформация социальной структуры и ее отражение в политической системе означает, что классовая борьба «передана» в парламент и имеет место только в том случае, если политические партии ориентированы на разные слои общества и в состоянии отражать их политические интересы. Партии с такой структурой редко встречаются в современном мире. Вместо социальных программ мы видим только социальное сострадание. Политики не хотят быть связанными с бедными людьми. Типичные примеры — немецкие политики Йошка Фишер и Герхард Шредер, чей образ жизни был похож на образ жизни верхних слоев, в то время как основатель «зеленых» Фишер изначально стоял на стороне бедных, а Шредер был лидером социал-демократов.

Европа потеряла свою изначальную геостратегическую движущую силу. Многие страны Азии и Южной Америки становятся все более успешными в мировом масштабе, что приносит элемент хаоса в создание и функционирование национальных политических систем и международных ассоциаций. В случае успеха они будут определять характер мирового развития, и, как следствие, политических систем.

В любом случае, стабилизация системы зависит, главным образом, от качеств элиты, государственной помощи среднему классу и элементов справедливости в системе социального обеспечения. В странах бывшего Советского Союза общественное согласие было существенно нарушено, поскольку возникли социальные классы, разбогатевшие не с помощью труда, а благодаря пробелам в законодательстве и приватизации крупных государственных предприятий. Нечто подобное произошло, когда шел процесс формирования США — пираты и корсары узаконили свою собственность и стали членами влиятельных социальных классов. Для стран Западной Европы это нехарактерно, и, следовательно, некоторые представители элиты не пользуются особым доверием. В современной России такие классы имеют огромное влияние из-за

финансовых возможностей. Они используют денежные средства для того, чтобы оказывать влияние на политиков и запугивать народ. Таким образом, необходимо делать государство и публичную власть гораздо более действенными и эффективными.

Новые обеспеченные представители элиты не являются источником государственного или регионального культурного самоопределения. В процессе реконструкции российской государственности должны быть определены базовые ценности и международная направленность. «В мире после периода “холодной войны” важнейшую роль играют не идеологические, политические или экономические различия между нациями, а культурные. Нации и государства пытаются ответить на извечный вопрос, с которым сталкивается человек: “Кто мы?”»³

Российское государство должно утвердить свою национальную идентичность в том числе через свою структуру. Необходима также совместимость внутренней системы с цивилизационной. Это означает поиск наиболее эффективных способов вовлечения граждан и увеличения степени влияния общественного мнения на политические решения. Поскольку Россия — огромнейшая и неоднородная по социальному и региональному составу страна, это очень сложная задача. Кроме того, само содержание лоббируемых потребностей должно быть определено более точно, чтобы демократическая система не превращалась в олигархическую. В современном мире лоббирование по своей сути и влиянию является формой подкупа политических и административных структур. И, хотя с этим ничего нельзя сделать, оно не должно заменять решающее влияние выборных представителей.

Доверие граждан к политической системе и государственным структурам имеет решающее значение для управления. Политики должны постоянно убеждать людей в эффективности системы и в том, что они обладают необходимыми для управления профессиональными и моральными качествами. Также не пришедшие к успеху политики должны искать свои собственные способы выражения идей и сути своего оппозиционного статуса. Существование сильной оппозиции является проявлением плюрализма, и ее сила ведет к возможности проявить конструктивность и прийти в будущем к управлению. Это, однако, не имеет отношения к структуре, а скорее связано с моралью и политическим сознанием, возникающим из демократической природы системы.

Последнее, но, тем не менее, важное замечание касается экономической системы, которая адекватна соответствующей политической демократии. Само собой разумеется, что она основана на частной собственности, контролируемой государством. В случае России, однако, ее способность расширять сферу своего международного влияния в глобальном масштабе вызывает беспокойство. «Законодательный и исполнительный суверенитет современного государства держится “на трех китах”: на армии, экономической и культурной независимости; другими словами: государственный контроль за ресурсами, ранее зависимый от рассеянных очагов общественной власти, теперь требуется для создания и поддержания государственно установленного порядка»⁴.

Государство не может отказаться от контроля над экономикой, поскольку в таком случае оно потеряет последний инструмент управления. Эффективность использования материальных и общественных ресурсов экономического развития тесно связана с удовлетворением основных нужд населения. Следовательно, каждое государство пользуется доверием и поддержкой со стороны населения в той степени, в которой может консолидировать экономическую и политическую системы в единую социальную. Уровень эффективности и демократичности системы пропорционально зависит от способности граждан отстаивать свои права и влиять на политические решения.

Следует отметить, что экономическая система воспринимается народом скорее как политическая, поскольку он жизненно зависит от нее. Ошибки в экономике немедленно отражаются на жизни людей, к чему они очень восприимчивы. Экономика напрямую влияет на всю политику. Если в экономике появляются элементы безнравственности, незаконности или профессиональной неспособности, то же самое происходит и в политике. Особенно в эпоху глобализации экономических процессов решающим девизом менеджмента становится честность, открытость и нравственность⁵.

Если политики пускают экономическое развитие на самотек, все его недостатки станут явными, что может вызвать недовольство общественности. В России экономическая самостоятельность очень сильно отражается на политике — региональной, местной и центральной. Общественное недовольство открывает путь целому ряду новых политических партий, особенно партиям радикального характера. Люди хотят порядка, но если власть не в состоянии усилить общественную полезность экономики, то она теряет доверие народа, и кто-то другой должен прийти, чтобы исправить ситуацию. В США создано движение “Anonymous” и «Захвати Уолл-стрит» (“Occupy Wall Street”), в Западной Европе возникли движения, которые, не являясь политическими по природе, обращают внимание на нравственные просчеты в сфере власти. Блокирование финансовых центров является первым шагом, за которым может последовать блокирование центров политической власти, и, в конечном счете, их захват.

В то же время в России протестные движения ориентированы на чисто политические отношения и личности. Это проявление той оппозиции, которая не может прийти к власти в рамках избирательного процесса. Таким образом, они могут быть интерпретированы только как выражение недовольства партии и пассивности большинства населения. Подобные действия части общества не дают достаточного импульса для реконструкции системы власти.

Другим важным вопросом для каждой политической системы являются символы, которые являются существенным мобилизующим фактором. Тем не менее, мы живем в эпоху, когда часть символов «исчезла» или не работает. Это произошло после двух мировых войн, когда монархические символы были заменены на республиканские. После окончания «холодной войны» часть символов также уже не отвечала времени и должна была быть заменена новыми, выражающими суть новой государственности. Отсутствие политической самостоятельности

ности новых лидеров вызвало обращение к прошлому: формальному возобновлению старых монархических символов, отображающих республиканские светские режимы.

Символами Советского Союза были серп, молот и пятиконечная звезда на красном флаге. После краха СССР, в связи с изменением характера государственности, необходимо было найти новые символы. Попытка восстановления царских символов стала не самой удачной, поскольку вызывает ассоциации с восстановлением «самодержавия». Кроме того, представляется недостаточным сам символизм: короны над головами орла — это символы монархии, республика же должна опираться на иные.

Аналогично России, Чехия и Венгрия в национальной эмблеме имеют корону — знак монархии, а Словацкая Республика — двойной крест, хотя Конституция говорит о секулярном государстве. Это свидетельствует о неспособности создателей новой политической системы привести внешние признаки в соответствие с ее характером.

Это происходит в силу неопределенности концепций творцов новой системы, которые прибегают к устоявшимся характеристикам старой социальной системы. Они опираются на несуществующий авторитет — историческую монархическую государственность. Народ поначалу принимает эти символы, уважая свою историю, но затем эти статические символы уже не интегрируют общество и не воздействуют на него мобилизационно.

Если говорить об американских государственных символах, то вокруг флага и государственной печати существует целая мифология, которая объясняет происхождение и значение символов. Граждане США вывешивают на своих домах национальный флаг не только по случаю государственных праздников, но и в собственный день рождения или именин. Церкви также вывешивают государственный флаг, хотя государственной религии в США нет. Кроме официальных символов, есть и неофициальные, которые объединяют население, например, статуя Свободы, Капитолий, Белый Дом. Они дополняются природными достопримечательностями: Ниагарский водопад, Великие озера, Йеллоустонский национальный парк и т. д. Важным политическим символом является президент. Существует небольшая группа «неприкосновенных» лиц (Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, А. Линкольн и Ф. Рузвельт), которые составляют политический Парфенон, но и другие президенты «священны», хотя допустима их незначительная критика.

В России пока нет такого отношения к официальной или неофициальной символике, так же как очень мало уважения к людям, которые внесли свой вклад в создание государственности (древней, недавней и существующей). Новая российская государственность нуждается в новых «святых», новом мифологическом символизме и интегрирующих население факторах. Поскольку государство имеет не только материальную, но и духовную сущность, выражение этих двух составляющих должно присутствовать в государственных символах. «Символы играют центральную роль в интеграции личности. Они проникают в самую нашу суть. <...> Символы соединяют нас как недостающую часть целого и возвращают нас

к нашему первоначальному единству, помогают преодолеть наше отчуждение в жизни. Отсутствие эмоциональной концепции и бездуховность создают экзистенциальный вакуум. Отсутствие символической системы оставляет общество без ключевых фигур, удовлетворяющих потребности в психологических и организационных основах общественной жизни»⁶. Символика, столь важная для державы, с одной стороны, показывает миру уникальность страны, с другой — вызывает у иностранцев определенное чувство притяжения, помогая сформировать интерес к стране (кто не хотел бы увидеть Статую Свободы или Ниагарский водопад, или гейзеры в Йеллоустонском парке?). Мы видим уникальность американского флага и типичность (в силу схожести) схожесть русского, словацкого, словенского, хорватского флагов. Речь идет не о причинах схожести, а о первом впечатлении иностранца, который смотрит на государственной флаг.

Как мы уже говорили, символами государственности являются также ее создатели и реформаторы. Каждое государство уважает память выдающихся исторических личностей, которые не могут быть возведены в ранг богов, но должны присутствовать в общественном сознании, равно как и в текущей политике. Россия до сих пор не сумела оценить знаковые исторические фигуры, поскольку власть к этому вопросу подходит политически, а эксперты — осторожно. Это нередкое явление, его можно наблюдать и в других странах бывшего советского блока: революционеры, реформаторы, монархисты, республиканцы и даже философы и художники оцениваются с идеологических позиций, являясь поэтому маргиналами в общественном мнении. Политики уклоняются от определения их роли в истории, и создается впечатление, будто нации возникли в конце XX в. Все европейские народы помнят имена крупных исторических деятелей, которые помогли создать национальную общность, язык, культуру и государство. Однако в странах бывшего советского блока к этим личностям относятся очень осторожно, и многие из них даже не упоминаются. Политиков это вполне устраивает: они остаются в политическом сознании масс одни, вне исторических прецедентов, и обществу не с кем их сравнивать. В чешской политической риторике исчез даже Т. Г. Масарик, в словацкой — М. Р. Штефаник, в польской — папа Иоанн Павел II (Карл Войтыла). Теперь исчезают лидеры потрясений конца 80-х гг. XX в.

Политическая система России была бы, конечно, более стабильной, если бы политики в большей мере использовали образы исторических персонажей в качестве символов. Важно научить население ценить значимые исторические личности. При этом важна также их официальная оценка, которая, однако, никогда не может быть однозначной. Наиболее целесообразно было бы использование республиканских символов и образов тех личностей, которые выражали идею республики. Державы мира используют образы тех деятелей, которые расширили или стабилизировали свое государство, обращая иногда и к образам революционеров, что строго регулируется режимом, при изменении которого старые символы и личности исчезают. Россия очень неумело использует личностную символику — Ека-

терины Великой, Петра I, политических деятелей периода революции февраля 1917 года и т. д. Это, вероятно, связано с усилиями нынешних политиков обратить внимание общественности прежде всего на себя. Политический эгоизм привносит в общественное сознание противоречия и, следовательно, пустоту. Тот факт, что народ поддерживает конкретных современных политиков, еще не означает, что прошлых не любят. Оценка же исторических личностей меняется, конечно, не столь быстро.

Другой крайностью в России является очень жесткая оппозиция к коммунистическим лидерам. Определенная часть общества всегда радикальна, но в России, кроме того, значительна доля людей, живущих за чертой бедности, и им нужны какие-то символы и почитаемые «герои». Осуждение левых революционеров целесообразно только после обеспечения более высокого уровня удовлетворения основных потребностей человека. Так было в Австрии, Германии и Франции. До тех пор, пока после Второй мировой войны население не достигло определенного уровня жизни, часть политиков признавала левых. Достижение более высокого жизненного уровня избавляет от необходимости этого. В России необходимо допустить признание некоторых революционных деятелей прошлого как элементов исторической преемственности. Невозможно стереть из исторической памяти некоторые лица, как будто их никогда и не было. Надо понимать, что привлекательность различных исторических периодов варьируется в зависимости от реальной ситуации. Например, если республиканский строй закрепился достаточно прочно, то признание заслуг выдающихся монархических деятелей не приведет к восстановлению монархии. Если столь же явно упрочилась демократия, память о революционерах не является руководством к революционным действиям. Под жестким закреплением демократии мы понимаем стабилизирующее влияние общества на государственную политику и социальную полезность этого режима. Если одно из этих условий отсутствует, то повышается привлекательность радикализма.

Символы, как часть общей и политической культуры, поддерживают ее состояние. Они отображают определенные ценности и идеалы, присутствуя и в искусстве, и в отношениях между людьми. Исторические личности, даже мифологические, воплощают модели поведения, отвергая которые, общество отказывается от ценностных основ.

«Иконы, народные обычаи, обряды, традиции транслируют то, что важно. Они могут содержать положительные примеры, <...> могут быть также и отрицательными...»⁷ Принципы политики в любом режиме являются важным элементом, поэтому при переходе к другому режиму важно опираться на исторические примеры, модели и личности. Так, большевики утверждали, что первым коммунистом был Иисус Христос, и это позволяло людям чувствовать себя продолжателями идеалов Христа в современных им условиях.

Новыми интернациональными символами нашей эпохи стали символы богатства: деньги, шикарные дома, самолеты, яхты. В средние века это были дворянские титулы и замки. После либеральной революции их заменило состояние, а затем — ученая степень. На

рубеже прошлого века были добавлены униформы. Каждая эпоха имеет свою собственную символику, которая должна содержать в себе основные ценности, лежащие в основе всей общественной системы.

Еще раз вернемся к проблеме ожиданий. Можно говорить об ожиданиях граждан, представителей аппарата власти, политических партий, олигархов, общественных объединений, соседних государств и сверхдержав. Интересы перечисленных субъектов очень различны и не могут быть удовлетворены одинаковыми решениями. Основным ожиданием граждан является индивидуальное благосостояние и социальное обеспечение. Представители аппарата власти хотят управлять и осознавать собственную значимость. Политические партии также хотят править и, следовательно, занимать руководящие должности в государственном секторе и на предприятиях, которые контролируются государством. Олигархи хотят материальных благ и влияния на бюрократию, на руководство политических партий и правительство. У гражданских организаций иные приоритеты: слабое правительство, которое находится под влиянием общественности. Соседние страны хотят чувствовать себя в безопасности. Мировым державам необходимы партнеры в обеспечении влияния в мире. В России все это осложняется этническим мультикультурализмом населения.

Правительство должно быть в состоянии оправдать основные ожидания всех вышеперечисленных категорий граждан, удовлетворяя, в зависимости от характера правящей партии, интересы некоторых групп в большей мере, чем других. В любом случае, оно должно управлять в согласии с общественностью. В условиях демократии правительство должно также опираться на общественное мнение и вносить коррективы в соответствии с требованиями общества. «Критический вопрос в каждой новой общественной группе состоит в том, как соотносятся влияние, власть и авторитет. <...> В человеческом обществе создаются правила того, “как куры клюют”, но сам процесс и его результаты, конечно, гораздо сложнее»⁸. Новое русское государство очень молодо, и потому еще не имеет четких правил «клевания». Отсюда протекают попытки различных социальных групп улучшить свое положение. Это, в свою очередь, дестабилизирует всю общественную систему, и особенно политическую. Чем раньше стабилизируются правила «получения выгоды», тем скорее стабилизируется система, успокоятся различные части общества и Россия станет для мира значительно более надежной страной. Повторим еще раз: управлять эффективно возможно только в согласии с общественностью.

---

¹ Brzezinski Z. The Grand Chessboard. N.Y., 1996. P. 35.

² Bauman Z. Globalizácia. Bratislava, 2000. P. 56.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Bauman Z. Globalization. P. 61.

⁵ Kouzes J. M., Posner B. Z. *Credibility*. San Francisco, 1993. P. 33–36.

⁶ Hieronymus R. *Tajné posláni Spojených států*. Praha, 1999. P. 96.

⁷ *The Paradox Principles*. Price Waterhouse LLP, 1996. P. 98.

⁸ Schein E. H. *Organizational Culture and Leadership*. San Francisco, 1992. P. 79.

УДК 94(470)

Tom P. Преобразование российской политической системы в международном контексте // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 190–202.

АННОТАЦИЯ: Россия — одна из крупнейших стран мира. Кроме того, она хочет продолжить свою историю сверхдержавы, и эти амбиции являются стимулом для преобразования современной России. Но Россия также должна быть принята собственными гражданами, что должно быть основано на доверии к ценностям и политическим лидерам. Социальные элиты являются весьма значимыми в этом процессе. Тем не менее, в России, они появились в процессе приватизации, проводившейся недопустимым образом. Формирование надежных элит в политике и экономике находится в начальной стадии, что замедляет трансформацию политической и социальной систем. Каждая система имеет свои формальные и неформальные символы. В новой России символике уделяется недостаточное внимание, в то время как символы имеют интегрирующее значение для граждан. Также государство должно проявить свою идентичность через структуру государственности. Вызывает беспокойство проблема совместимости собственной структуры со структурой цивилизации. Это означает поиск более эффективного способа вовлечения граждан в общественную деятельность и рост влияния общественного мнения в процессе принятия политических решений. Это трудная задача с учетом того, что Россия является огромной страной, социально и регионально неоднородной. Кроме того, содержание лоббирования должно быть определено более точно с тем, чтобы оно не трансформировало демократическую систему в олигархическую.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преобразование государственности, символы режима, элиты, стабильность системы, эффективность управления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: профессор, Трнавский университет (Трнава, Словакия); dada7dada@gmail.com

---

Tóth R. The Transformation of the Russian Political System in the International Context

ABSTRACT: Russia is one of the largest countries in the world. Moreover, it has a superpower legacy that it would like to preserve. Superpower traditions and ambitions, therefore, stimulate some of Russia's ongoing transformation. Yet Russia must be accepted by its own citizens as well. This requires popular confidence in national values and political leaders. Traditionally, social elites play a big role in this process. However, in Russia, these elites appeared during the process of privatization, which was cast in a negative light. Therefore, the formation of a trustworthy elite in politics and economics is only in its beginning stages, which in turn slows the transformation of political and social system. Each system has formal and informal symbols. Insufficient attention is given to this symbolism in modern day Russia, despite the fact that it could mobilize the population. Russia must also use its state structure to manifest its identity. Problems exist, however, concerning the compatibility of state structures and civilizational structures. This requires more efficient ways to be found to draw citizens into public affairs and increase the extent to which political decisions reflect public opinion. This task is complicated by the fact that Russia is large and socially and regionally heterogeneous. Apart from that, the content of this lobbying ought to be defined more precisely so it does not transform a

democratic system into an oligarchic one.

KEYWORDS: transformation of statehood, symbols of regime, elites, stability of system, efficiency of governance.

AUTHOR: Professor, Trnava University (Trnava, Slovak Republic); dada7dada@gmail.com

REFERENCES:

¹ Brzezinski Z. *The Grand Chessboard* (New York, 1996).

² Bauman Z. *Globalizácia* (Bratislava, 2000).

³ Kouzes J. M., Posner B. Z. *Credibility* (San Francisco, 1993).

⁴ Hieronymus R. *Tajné posláni Spojených států* (Praha, 1999).

⁵ *The Paradox Principles*. Price Waterhouse LLP (1996).

⁶ Schein E. H. *Organizational Culture and Leadership* (San Francisco, 1992).